

ПОПАДАНКА
— В ТЕЛО —
НЕНУЖНОЙ ЖЕНЫ

Юлий Люцифер

Юлий Люцифер

Попаданка в тело ненужной жены

«Литнет»

2026

Люцифер Ю.

Попаданка в тело ненужной жены / Ю. Люцифер — «Литнет», 2026

Когда любимый мужчина предал меня, я думала, что хуже уже не будет. Ошиблась. Очнувшись в другом мире, я оказалась в теле молодой жены могущественного лорда — красивой, тихой и совершенно ненужной. Муж презирает меня, семья смотрит как на пустое место, а в этом доме у каждого есть причина, чтобы я оставалась слабой и покорной. Вот только прежняя хозяйка тела терпела. Я — нет. Я больше не стану выпрашивать любовь, глотать унижения и быть удобной. Если этот мир считает меня бесправной женой, ему придется узнать, как опасна женщина, которой больше нечего терять. Но чем сильнее я меняюсь, тем внимательнее смотрит на меня тот, кто раньше не замечал. И тем опаснее становится другой мужчина — тот, рядом с которым впервые хочется не выживать, а жить. Мой муж слишком поздно поймет, кого сделал ненужной. А я наконец решу, кем быть: покорной тенью в чужом доме... или женщиной, которую уже невозможно сломать.

© Люцифер Ю., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Конец прежней жизни	5
Глава 2. Чужое тело, чужой мир	17
Глава 3. Ненужная жена	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1. Конец прежней жизни

Телефон завибрировал в третий раз подряд, пока я стояла у плиты и машинально помещивала соус, хотя уже давно забыла, добавила я соль или нет. На экране снова высветилось имя Лены.

Я поморщилась.

Лена не звонила просто так. Никогда. Она не любила пустые разговоры, не спрашивала, как дела, не делилась мелочами и не пересылала котиков по ночам. Если Лена названивала три раза подряд, значит, что-то случилось. Что-то плохое.

Я выключила конфорку и провела ладонью по фартуку, будто могла стереть с себя нарастающую тревогу.

— Да, Лен? — ответила я, прижимая телефон плечом к уху.

В трубке было несколько секунд тишины. Такая тишина бывает перед грозой — тяжелая, натянутая, липкая.

— Ты дома? — наконец спросила она.

— Да. А что?

— Одна?

Я нервно усмехнулась.

— Это уже допрос какой-то. Конечно одна. Артем должен был быть на встрече. Сказал, у них аврал перед подписанием договора.

Снова тишина. Я уже знала этот тон. Я уже ненавидела этот тон, хотя еще не понимала, за что именно.

— Лена?

— Вика... — ее голос стал осторожным, слишком осторожным. — Только, пожалуйста, не устраивай истерику раньше времени.

Мир почему-то сузился до белой плитки на кухонном фартуке. До маленькой трещины у розетки, на которую я смотрела уже полгода и все откладывала момент, когда попрошу Артема наконец вызвать мастера. Полгода. Трещина. Как символично.

— Что случилось? — спросила я уже другим голосом.

— Я сейчас в «Морено».

— В ресторане?

— Да.

Сердце тяжело ударилось о ребра.

«Морено» был тем самым местом, куда Артем обещал сводить меня после того, как закроет свой проект. Мы обсуждали это две недели назад. Он тогда смеялся, гладил меня по волосам и говорил: «Потерпи еще чуть-чуть, малыш. Все для нас».

Для нас.

— И? — губы вдруг стали сухими.

— Я не уверена, что должна говорить по телефону.

— Лена.

Наверное, в моем голосе было что-то такое, от чего даже она сдалась.

— Я видела Артема, — быстро сказала она. — Он не один.

Кухня качнулась.

Я ухватила за край столешницы и медленно опустилась на стул. Колени внезапно стали ватными, будто перестали меня держать.

— С кем? — спросила я, и свой голос не узнала. Такой тонкий, почти детский.

Лена вдохнула.

— С женщиной.

Мне стало смешно. На одно короткое, болезненное мгновение — по-настоящему смешно. Настолько нелепо, настолько банально, настолько унижительно предсказуемо, что я даже хрипло выдохнула.

Конечно.

Не с инопланетянином. Не с бухгалтером. Не с инвестором. С женщиной.

— Ты уверена, что это не деловая встреча?

Вопрос прозвучал жалко, и я сама это слышала. Слишком быстро, слишком цепляясь. Но когда реальность вонзает нож, человек хватается даже за воздух.

— Вика... — мягко сказала Лена. — Он ее целовал.

После этих слов внутри что-то оборвалось. Без красивых метафор, без всплеск, без слез. Просто оборвалось. Тихо. Как нить, которую долго натягивали, а потом она не выдержала.

Я смотрела на кастрюлю с остывающим соусом. На нарезанную зелень. На запеченную рыбу, которую я приготовила, потому что Артем любил именно так — с лимоном, чесноком и хрустящей корочкой. Я даже купила то белое вино, которое он обычно приносил по праздникам, потому что сегодня у нас была дата.

Семь лет.

Семь чертовых лет.

— Как она выглядит? — спросила я неожиданно спокойно.

— Ты сейчас правда хочешь это знать?

— Да.

Лена замялась.

— Молодая. Очень ухоженная. Светлые волосы. Красивое платье. Похожа на тех девушек, которые выходят из дорогих салонов и никогда не носят тяжелые пакеты из супермаркета.

Я закрыла глаза.

Ясно.

Не я.

Не женщина с зацепкой на рукаве пальто. Не женщина, которая помнит его график лучше собственного. Не женщина, которая знала, когда у него болит спина, как он любит кофе, какие таблетки принимает от мигрени, и как выглядит его лицо, когда он делает вид, что у него все под контролем, хотя на самом деле он боится.

Не женщина, которая оплатила половину его аренды в тот год, когда у него развалился бизнес.

Не женщина, которая продала бабушкины сережки, чтобы закрыть его долг, и соврала, что просто «давно их не носила».

Не женщина, которая ждала.

Всегда ждала.

— Я еду туда, — сказала я.

— Вика, не надо. Послушай меня, пожалуйста. Лучше я приеду к тебе, и мы...

— Нет.

— Ты сейчас на эмоциях.

— Я семь лет была на эмоциях, Лена. А сейчас я впервые хочу быть на фактах.

Она шумно выдохнула, поняв, что спорить бесполезно.

— Тогда хотя бы не одна. Хочешь, я тебя встречу у входа?

— Нет.

Мне не хотелось свидетелей. Не хотелось даже поддержки. Во мне поднималось что-то злое, горячее, слишком долго копившееся под слоем терпения, мягкости и вечного понимания.

Я сбросила звонок, механически сняла фартук и пошла в спальню.

По дороге поймала свое отражение в зеркале прихожей.

Домашние брюки. Простая кофта. Волосы собраны наспех. На лице ни грамма косметики — я же ждала ужин дома, а не сцену из дешевого сериала. Под глазами легкие тени, в уголках губ усталость, которую уже не скрывали даже редкие улыбки.

И вдруг я ясно увидела себя его глазами.

Удобная.

Родная, наверное. Надежная. Своя. Та, к которой возвращаются. Та, которая прощает. Та, которая поймет. Та, которая подстроится. Та, которая не уйдет.

Ненужная для страсти. Слишком привычная для восхищения. Слишком доступная для уважения.

Я резко отвернулась от зеркала и сорвала резинку с волос. Темные пряди упали на плечи. Потом умылась холодной водой, провела тушью по ресницам, надела пальто и схватила сумку.

У двери остановилась.

На столике лежала маленькая подарочная коробочка с часами. Я купила их Артему неделю назад. Дорогие, стильные — именно такие, какие он давно присматривал, но все откладывал покупку. Рядом — открытка, в которой я написала: «Спасибо, что даже после семи лет я все еще выбираю тебя».

Я взяла открытку, перечитала, усмехнулась и медленно разорвала пополам. Потом еще раз. И еще. Бумажные клочки легли на пол белыми обрывками чего-то глупого и слишком нежного.

Через двадцать минут я уже стояла напротив панорамных окон «Морено».

Снаружи начинался снег с дождем. Ветер рвал зонт из рук прохожих, машины шипели по мокрому асфальту, а внутри ресторана было тепло, золотисто, красиво. Официанты скользили между столиками с тем видом безупречной вежливости, который всегда раздражал меня своей

стерильностью. Люди смеялись. Звенели бокалы. Кто-то отмечал жизнь. Кто-то, возможно, любовь.

Я увидела его сразу.

Артем сидел вполоборота, расслабленный, в той самой рубашке, которую я утром сама погладила. Он улыбался. Не вежливо. Не устало. Не как человек, которому «аврал» и «срочно надо к восьми на встречу». Он улыбался легко, молодо, почти счастливо.

Напротив сидела она.

Блондинка.

Красивое лицо, тонкие пальцы, красное платье, открытые плечи. Она наклонилась к нему, что-то сказала, и Артем рассмеялся так, как давно не смеялся со мной. Без натуги. Без раздражения. Без того скрытого одолжения, которое появилось в нем за последние месяцы, когда я стала замечать, что любое мое слово вызывает у него усталость.

Потом он коснулся ее руки.

Спокойно. Уверенно. Как человек, который имеет на это право.

Я стояла за стеклом и чувствовала, как внутри становится очень тихо. Боль была, но какая-то отдаленная. Как будто она происходила с кем-то другим, а я просто наблюдала.

А потом он поцеловал ее.

Коротко. Привычно. Не как случайную женщину. Не как ошибку. Не как «это не то, что ты подумала». Так целуют тех, с кем уже давно все решено.

Тут во мне что-то окончательно переключилось.

Я толкнула дверь ресторана и вошла.

Хостес тут же натянула безупречную улыбку.

— Добрый вечер, у вас бронь?..

— Уже есть, — ответила я, не замедляя шага.

Краем глаза заметила, как Артем поднимает голову. Наши взгляды встретились.

Никогда не забуду это выражение его лица.

Сначала непонимание.

Потом испуг.

Потом раздражение.

Не стыд. Не вина. Не раскаяние.

Раздражение.

Будто я была не женщиной, которую он предал, а проблемой, возникшей в неудобный момент.

Я подошла к столику.

Блондинка замерла, переводя взгляд с него на меня и обратно. Артем медленно поднялся.

— Вика, — произнес он сквозь зубы. — Что ты здесь делаешь?

Я посмотрела на него, потом на нее, потом снова на него.

— Удивительно, — сказала я. — Я почему-то думала, что этот вопрос должна задать я.

Блондинка неловко откинулась на спинку стула.

— Артем?..

— Можешь оставить нас на минуту? — бросил он ей, не глядя.

Я подняла брови.

— О, нет. Пусть остается. Я не хочу, чтобы потом мне рассказывали, будто это была рабочая встреча по инвестициям в особо интимной форме.

Он сжал челюсть.

— Не устраивай сцен.

— Сцену? — я тихо рассмеялась. — Ты сидишь в ресторане с любовницей в день нашей годовщины, врешь мне про срочную встречу, а сцену устраиваю я?

Несколько человек за соседними столами уже начали оборачиваться. Я заметила, как официант в нерешительности замедлил шаг. Артем ненавидел публичность. Особенно такую. И это было единственное, что принесло мне крошечное, злое удовольствие.

— Пойдем выйдем, — процедил он.

— Зачем? Чтобы ты спокойно объяснил мне, что я все не так поняла? Или чтобы попросил не позорить тебя перед... кем? Перед ней? Перед персоналом? Перед людьми, которым на тебя плевать?

— Вика, хватит.

— Нет, это тебе хватит.

Мой голос зазвенел, но не сорвался. Я сама удивилась, насколько четко звучат слова, когда внутри уже все умерло.

— Сколько времени это длится?

Он отвел взгляд.

Этого оказалось достаточно.

Но я все равно повторила:

— Сколько?

Блондинка нервно поджала губы. Артем, видимо, понял, что молчание выглядит хуже признания.

— Несколько месяцев.

Несколько месяцев.

Я кивнула. Просто кивнула, словно он сказал что-то бытовое. Что-то вроде «молоко закончилось» или «завтра обещают дождь».

— И все это время ты приходил домой, ел мой ужин, спал в нашей постели и смотрел мне в глаза?

— Не начинай драму, — устало бросил он. — Все давно к этому шло.

Я даже не сразу поняла смысл сказанного.

— Что?

— Мы давно стали чужими, Вика. Ты же сама это чувствовала.

— Я чувствовала, что ты отдаляешься. Но не потому, что мы стали чужими. А потому, что ты трус и не смог сказать правду.

Его лицо дернулось.

— Трус? Seriously? Я тянул все на себе последние годы. Я поднимал бизнес, решал проблемы, а дома... дома меня всегда ждали только претензии и усталое лицо.

Воздух выбило из груди.

— Усталое лицо?

— Да. Вечно уставшая, вечно напряженная, вечно чем-то недовольная. Ты давно перестала быть женщиной, рядом с которой хочется дышать легко.

Каждое слово ложилось ударом.

Блондинка опустила глаза, явно понимая, что уже лишняя даже в этом отвратительном разговоре. Но мне было все равно. На нее — почти все равно. Потому что в этот момент больше всего была не она. А он. Его голос. Его спокойствие. Его уверенность, что он имеет право так со мной говорить.

— Я перестала быть удобной декорацией? — тихо спросила я.

— Не перекручивай.

— Нет, давай честно. Я стала слишком настоящей? Слишком уставшей после того, как тащила нас обоих? Слишком живой? Не такой нарядной, как девочка в красном платье, у которой нет твоих долгов, твоих истерик, твоих кризисов и твоего тяжелого характера на плечах?

— Только не надо делать из себя святую.

— А я и не святая, Артем. Я дура.

Он нахмурился.

— Что?

Я улыбнулась. Странно, но именно сейчас мне захотелось улыбаться. Так бывает, когда уже нечего спасать.

— Я дура. Потому что семь лет любила человека, который принимал мою преданность за обязанность. Мою поддержку — за сервис. Мое терпение — за слабость.

— Прекрати этот спектакль.

— А ты прекрати делать вид, что я тебе что-то должна даже в момент твоего предательства.

Он шагнул ближе и понизил голос:

— Ты позоришься.

Вот тут меня по-настоящему качнуло.

Не от измены. Даже не от его слов о моем усталом лице. А от этого спокойного, почти безразличного: «Ты позоришься».

Словно стыдно должно быть мне.

Я медленно сняла с пальца тонкое кольцо. Недорогое, простое — мы купили его в первый год, когда денег почти не было. Тогда оно казалось символом. Тогда все казалось настоящим.

Я положила кольцо на стол.

Рядом с его бокалом.

— Нет, Артем. Позоришься здесь ты.

Он посмотрел на кольцо, и в его глазах впервые мелькнуло что-то похожее на тревогу.

— Не драматизируй. Мы взрослые люди.

— Взрослые люди не врут про встречи, пока их женщина готовит им ужин на годовщину.

— Я не просил тебя ничего готовить.

Фраза вылетела резко, раздраженно. Возможно, он сам не понял, что сказал. Но было уже поздно.

Я застыла.

Потом очень медленно кивнула.

— Конечно, — произнесла я. — Ты же вообще никогда ничего не просил. Все просто как-то само происходило, да? Сама любила. Сама ждала. Сама спасала. Сама верила. Очень удобно.

Он провел рукой по лицу.

— Вика, хватит. Я не хочу обсуждать это здесь.

— А где ты хочешь это обсуждать? Дома? В нашей квартире, за которую я платила, пока ты строил из себя гения? На кухне, где остывает ужин, который я не должна была готовить?

Несколько секунд он молчал. Потом посмотрел на меня устало, почти холодно.

— Знаешь, в чем твоя проблема? Ты всегда цеплялась. За отношения. За прошлое. За меня. Тебе надо уметь отпустить.

Вот так просто.

Меня почти согнуло от внезапной ясности.

Не сегодня. Не сейчас. Не из-за нее. Это случилось гораздо раньше. Сегодня просто сорвали занавес. На сцене давно уже никого не было. Только я одна сидела в пустом зале и продолжала аплодировать призраку.

Я взяла со стола бокал с водой и выплеснула ему в лицо.

В ресторане кто-то ахнул.

Блондинка вскочила.

Артем отшатнулся, вода потекла по его щекам, воротнику, рубашке. На долю секунды он выглядел не властным, не правым, не спокойным — просто жалким и злым мужчиной, который не ожидал, что у привычно удобной женщины внезапно появятся зубы.

— С ума сошла?! — рявкнул он.

— Нет, — ответила я. — Наконец-то пришла в себя.

Я развернулась и пошла к выходу.

Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали. Мне казалось, что если я остановлюсь хотя бы на секунду, то либо разрыдаюсь, либо заору, либо рухну прямо на этот блестящий пол.

Я почти дошла до двери, когда услышала за спиной его голос:

— Вика!

Не обернулась.

— Вика, да остановись ты!

Шаги быстро догнали меня уже на улице. Холодный мокрый ветер ударил в лицо. Снег с дождем лез за воротник, мгновенно пропитывая волосы влагой.

Артем схватил меня за локоть.

— Да стой же!

Я резко выдернула руку.

— Не трогай меня.

— Ты ведешь себя как истеричка.

— А ты — как человек, который слишком долго считал меня мебелью.

— Хватит этих громких фраз! — он сорвался на крик. — Все не рухнуло за один день! Мы давно шли к этому! Ты сама сделала все, чтобы между нами стало пусто!

Я шагнула к нему ближе, не чувствуя ни холода, ни дождя.

— Я?

— Да, ты! Ты растворилась во мне, Вика! Вечно жила только мной! Это душило!

Я уставилась на него.

— То есть виновата я? Потому что слишком любила? Слишком старалась? Слишком была рядом, когда тебе было удобно меня иметь?

— Не перекручивай! Ты не жила своей жизнью! Вечно смотрела мне в рот, ждала, подстраивалась — это невозможно выдержать!

Это было настолько жестоко и настолько похоже на правду, что у меня внутри все сжалось.

Потому что в одном он был прав.

Я действительно жила им.

Слишком долго.

Слишком сильно.

Слишком без себя.

Но право причинять мне эту боль это ему не давало.

— Тогда надо было уйти, — тихо сказала я. — По-человечески. До того, как ты залез в постель к другой.

Он отвел глаза.

И в этот момент я поняла: он не уйдет виноватым. Он будет защищаться, оправдываться, перекладывать, злиться, лишь бы не смотреть на себя честно. Потому что если посмотрит — ему придется признать, кем он стал. А с этим живут не все.

— Все, — произнесла я. — Для меня ты умер.

Он дернулся, словно от удара.

— Не надо пафоса.

— Это не пафос. Это правда.

Я развернулась и пошла к переходу.

Светофор мигал красным. Машины неслись плотным потоком, разбрызгивая грязную воду. Ветер выл между домами, город был мокрый, злой, бесконечно чужой.

За спиной снова послышался его голос, но слов я уже не разбирала. В ушах шумело слишком сильно. Мир перед глазами плыл, будто кто-то размазал краски по стеклу.

Мне нужно было только одно — уйти. Дойти куда угодно. Не слышать его. Не чувствовать. Не думать.

Я шагнула вперед, почти не глядя.

Визг тормозов прорезал воздух так резко, что мир будто раскололся.

Сильный удар в бок.

Ослепляющий свет фар.

Крик — мой или чужой, я не поняла.

Асфальт резко ушел из-под ног, небо перевернулось, дождь со снегом вдруг стал ледяной россыпью по лицу. Боль вспыхнула и мгновенно затопила все, а потом так же резко начала отступать, будто меня тянуло куда-то глубже, ниже, дальше.

Последнее, что я увидела, было лицо Артема.

Бледное. Искаженное ужасом.

Надо же.

Вот теперь он действительно выглядел так, будто что-то потерял.

А потом наступила темнота.

Глава 2. Чужое тело, чужой мир

Сначала пришел запах.

Не боль, не свет, не звук — именно запах. Терпкий, сладковатый, тяжелый, с примесью воска, сушеных трав и чего-то цветочного, слишком густого, почти удушающего. Он заполнил легкие раньше, чем я осознала, что вообще еще могу дышать.

Потом — мягкость.

Подо мной было не жесткое шершавое покрытие улицы, не больничная каталка, не холодный металл операционного стола. Что-то пружинистое, глубокое, слишком удобное. Простыня скользила по коже, как вода. Одеяло было тяжелым, но теплым. Где-то рядом потрескивал огонь.

Я не открывала глаз еще несколько секунд. Может, потому, что боялась. Может, потому, что в самой глубине меня жила последняя жалкая надежда: это шок, сотрясение, реанимация, бред. Сейчас открою глаза — и увижу белый потолок, капельницу, медсестру. Пусть даже гипс, швы, переломы. Только бы все было понятно. Только бы не эта липкая, чужая, нереальная тишина.

Но тишина не была больничной.

Она была слишком глубокой. Богатой. Не пустой, а наполненной: легким потрескиванием камина, шелестом ткани, далеким эхом шагов за стеной, звоном чего-то стеклянного. В такой тишине люди не выживают после аварий. В такой тишине просыпаются в старинных домах, в кино или во сне.

Я медленно открыла глаза.

Надо мной был высокий балдахин цвета темного вина, расшитый золотой нитью. Ткань мягко спадала по краям огромной кровати. За ней — потолок с лепниной, в которой переплетались листья, цветы и какие-то незнакомые символы. В углу мерцал камин в мраморной облицовке. У окна, почти в человеческий рост, стояло зеркало в резной серебристой раме. На столике рядом с кроватью горели три тонкие свечи в тяжелых подсвечниках.

Никаких мониторов. Никакого писка аппаратов. Никаких белых халатов.

Я резко села — и тут же зашипела от боли.

Тело отозвалось не так, как должно было. Ударило слабостью, головокружением, тяжестью в висках, но не тем знакомым ощущением «мое тело пострадало». Наоборот. Было чувство, будто я влезла в слишком дорогую, чужую одежду, которая сидит по фигуре, но все равно не твоя. Ноги — чужие. Руки — чужие. Даже дыхание — не мое.

Я уставилась на собственные пальцы.

Тонкие. Очень светлые. Узкие запястья. Длинные ногти без лака, отполированные до естественного блеска. На безымянном пальце — тонкое кольцо с темно-синим камнем. Кожа гладкая, почти прозрачная.

Это были не мои руки.

У меня на левом большом пальце был крошечный шрам от овощерезки. Его не было.

На правом запястье — тонкая белая линия после падения с велосипеда в двенадцать лет. Ее тоже не было.

Я задышала чаще.

— Нет... — собственный голос прозвучал тихо, хриловато, но тоже не так. Выше. Мягче. С чужими интонациями.

Нет.

Нет-нет-нет.

Я отбросила одеяло и почти сорвалась с кровати, едва удержавшись на ногах. Пол оказался устлан толстым ковром с золотисто-синим узором. Пошатнувшись, я схватилась за край столбика кровати и, спотыкаясь о длинную ночную рубашку, бросилась к зеркалу.

Лицо, которое я увидела, не было моим.

Я вцепилась пальцами в раму так сильно, что они побелели.

На меня смотрела девушка — или молодая женщина, трудно было сразу понять. Лет двадцать три, максимум двадцать пять. Очень красивая. Не яркой, журнальной красотой, а хрупкой, почти болезненной. Узкое лицо. Большие серые глаза. Темные ресницы. Губы бледные, словно их редко касалась улыбка. Кожа белая, как фарфор. Волосы — длинные, густые, каштановые с медным отливом, сейчас спутанные после сна и волнами падающие на плечи.

Я отшатнулась.

Зеркало не треснуло, не поплыло, не выдало мне обратно мое лицо.

Я коснулась щеки — отражение повторило жест.

Провела ладонью по волосам — те шелковисто скользнули между пальцами.

Тогда я ударила себя по щеке.

Не сильно, но резко. Отражение дернулось одновременно. На бледной коже проступило розовое пятно.

У меня подкосились ноги. Я почти сползла по раме на пол, но в этот момент дверь распахнулась.

— Госпожа!

В комнату влетела девушка в темно-сером платье и белом переднике, с туго убранными светлыми волосами и лицом, на котором одновременно читались ужас, усталость и обреченность человека, слишком давно привыкшего к неприятностям.

Увидев меня у зеркала, она резко побледнела еще сильнее.

— О боги... вы встали.

Я уставилась на нее. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Потом я выдавила:

— Кто... вы?

Она моргнула так, будто вопрос был самым страшным из возможных.

— Я Мира, госпожа. Ваша личная горничная.

Личная.

Горничная.

Ваша.

Слова не укладывались в голове. Они были понятны — и в то же время абсолютно лишены смысла.

— Где я? — спросила я.

Мира побледнела настолько, что я испугалась: сейчас упадет в обморок она, а не я.

— Госпожа... пожалуйста, не шутите так.

— Я не шучу.

Она нервно оглянулась на дверь, будто боялась, что нас кто-то подслушивает.

— Вы в поместье лорда Ардена, разумеется. В западном крыле. В своих покоях.

Лорд Арден.

Западное крыло.

Мои покои.

Каждая следующая фраза звучала все более абсурдно, и именно поэтому в нее почему-то становилось все легче поверить. Потому что мозг, когда его прижимают к стене невозможностью, цепляется не за правду, а за любую последовательность.

— Какое сегодня число? — спросила я.

Она вытаращилась.

— Двенадцатый день месяца холодных ветров.

Я медленно прикрыла глаза.

Конечно. Именно так и отвечают в нормальной реальности.

— А год?

— Семьсот девяносто третий от воцарения Светлой династии.

Я открыла глаза.

Мира стояла все так же напряженно, сжимая пальцы передника, словно это я сошла с ума, а не весь чертов мир вокруг.

— Я... — начала я и замолчала.

Что сказать? «Я переходила дорогу после того, как застала парня с любовницей, потом меня сбила машина, а теперь, кажется, я в чужом теле в каком-то дворце из исторического фэнтези»?

Даже умирая, я, видимо, сохранила способность чувствовать себя идиоткой.

— Госпожа, вам снова дурно? — осторожно спросила Мира. — Позвать лекаря?

Я резко посмотрела на нее.

— Снова?

Она прикусила губу, будто уже пожалела об этом слове.

— Вы... потеряли сознание вчера ночью.

— Почему?

Мира молчала.

Я сделала шаг к ней.

— Почему?

— После ужина с лордом, — едва слышно ответила она.

Вот тут в комнате стало еще холоднее, хотя камин потрескивал все так же исправно.

— Что произошло на ужине?

Мира снова покосилась на дверь.

— Госпожа, пожалуйста... если его светлость узнает, что я вам...

— Если его светлость узнает что? — голос прозвучал жестче, чем я ожидала.

Она вздрогнула. И тут меня пробило странным, почти физическим ощущением: эта девушка меня боится. Вернее, боялась не меня, а той женщины, в чьем теле я теперь стояла. Той, чью роль я еще не понимала, но уже чувствовала в реакциях окружающих.

— Он объявил, — прошептала Мира, — что через две недели на зимнем приеме представит двору леди Селесту.

Я молчала.

— И? — спросила я.

Мира уставилась на меня во все глаза.

— Как... как и свою будущую официальную спутницу.

Воздух будто стал тяжелее.

— А я кто? — очень спокойно спросила я.

Она даже не сразу ответила. Словно боялась произнести это вслух.

— Его жена, госпожа.

Вот теперь я села. Просто села на край кресла у зеркала, потому что ноги перестали понимать, как им держать меня.

Жена.

Надо же. Даже умереть нормально не дали. В одной жизни — неверный мужчина. В другой — уже готовый комплект с мужем, любовницей и публичным унижением.

Потрясающая стабильность вселенной.

Я нервно выдохнула, и этот выдох вдруг перешел в смех. Тихий. Сухой. На грани. Мира испуганно отшатнулась.

— Госпожа...

— Нет, все в порядке, — сказала я, хотя, конечно, ничего в порядке не было. — Просто пытаюсь понять, это у судьбы фантазия закончилась или она всегда работала по шаблонам.

— Простите?..

— Ничего.

Я провела ладонями по лицу и попыталась заставить себя думать последовательно.

Итак.

Меня, скорее всего, сбила машина.

Я либо умерла, либо... понятия не имею что.

Очнулась в теле молодой женщины из мира, где есть лорды, династии, западные крылья и месяцы холодных ветров.

У этой женщины есть муж по имени лорд Арден, который, судя по всему, публично собирается вывести в свет другую женщину.

У этой женщины есть горничная, которая смотрит на меня с выражением «только не снова».

И еще — что-то очень знакомое шевельнулось внутри при словах «будущая официальная спутница». Не мысль. Не воспоминание. А эмоция. Горечь. Укол унижения. Беспомощная старая боль, будто в самом теле уже жило знание, каково это — быть лишней в собственном браке.

Я замерла.

А потом вдруг поняла: где-то глубоко, на уровне инстинкта, мне не просто чуждо это место. В этом теле остался след прежней хозяйки. Обрывки ее чувств. Ее страха. Ее стыда.

Меня передернуло.

— Как меня зовут? — спросила я.

Мира в этот раз ответила сразу, слишком быстро, как будто радовалась хоть чему-то нормальному в происходящем.

— Леди Эвелина Арден. Урожденная Эверн.

Эвелина.

Я осторожно повторила про себя:

Эвелина.

Имя легло странно. Не как свое, но и не совсем чужое. Будто ключ, который пока не поворачивается в замке, но уже входит в скважину.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда Расскажи мне, Мира. Все. С самого начала.

Она ужаснулась.

— Все, госпожа?

— Да. Кто я. Кто мой муж. Почему он меня ненавидит. Кто такая леди Селеста. И почему по твоему лицу видно, что вчера произошло что-то еще, кроме объявления на ужине.

Несколько секунд Мира боролась с собой. Потом медленно опустилась на краешек пуфа у двери, словно собиралась рассказывать не про мою жизнь, а про чей-то похоронный список.

— Вы вышли замуж за его светлость чуть больше года назад, — начала она. — Это был союз между домами. Очень выгодный для вашего отца... и нужный для лорда Ардена. Говорили, что после свадьбы все наладится. Что он привыкнет. Что вы ему понравитесь, когда станете хозяйкой дома.

Она замолчала.

— Но? — спросила я.

— Но не наладилось.

Логично.

— Он не хотел этой свадьбы?

— Нет, госпожа.

— А я хотела?

Мира посмотрела на меня странно. Так, словно вопрос был непростым.

— Вы... надеялись, что сможете заслужить его расположение.

Слово «заслужить» царапнуло сильнее, чем я ожидала.

Очень знакомое слово.

Слишком знакомое.

— Продолжай.

— Сначала он просто был холоден. Потом стал почти не появляться в ваших покоях. Затем весь дом понял, что вы ему в тягость. А когда при дворе появилась леди Селеста, все стало... хуже.

— Она его любовница?

Мира побледнела.

— Так никто вслух не говорит.

— Я сказала не «кто-то». Я спросила тебя.

Она опустила глаза.

— Да.

Я кивнула. Спокойно. Почти отстраненно.

Интересно, сколько жизней подряд женщине нужно получить одного и того же мужика в разных декорациях, чтобы это уже засчитывалось как издевательство вселенной?

— А вчера? — напомнила я.

Мира судорожно сцепила руки.

— Вчера за ужином его светлость сказал, что леди Селеста займет место рядом с ним на зимнем приеме. Некоторые гости... улыбнулись. Ваша свекровь промолчала. Вы тоже сначала молчали. А потом спросили, не значит ли это, что вам лучше вообще не присутствовать.

Я почувствовала, как в груди тянет чужой болью. Резко, тонко, почти физически. Так, будто на мгновение кто-то изнутри прижал ладонь к сердцу.

— И что он ответил?

Мира подняла глаза, и в них уже была не только тревога, но и жалость.

— Он сказал, что вы можете присутствовать где угодно, пока помните свое место.

В комнате повисла тишина.

Я смотрела в сторону окна, но не видела ни тяжелых штор, ни отблесков огня на стекле.

«Пока помните свое место».

Как удобно.

В одной жизни — «ты перестала быть женщиной, рядом с которой хочется дышать легко».

В другой — «помните свое место».

Мужчины, декорации, эпохи меняются. Презрение — нет.

— А потом? — спросила я.

— Потом вы встали из-за стола. Очень тихо. И ушли. А ночью вам стало плохо. Лекарь сказал, что это нервный срыв и слабость. Но... — она снова замялась.

— Но?

— Простите, госпожа, но мне показалось, вы не просто плакали.

— А что?

— Вы будто... прощались.

Я медленно повернулась к зеркалу.

Лицо в нем было красивым. Молодым. Тонким. Но сейчас я вдруг увидела в нем не только чужую внешность, но и остаток отчаяния. Не в чертах, а глубже — в общей усталой прозрачности взгляда, в слишком бледных губах, в том, как будто даже тело привыкло занимать меньше места, чем ему положено.

Эвелина.

Ненужная жена.

Заслужить любовь.

Помнить свое место.

Очень похоже на мою прошлую жизнь, только в дорогой оправе.

Я подошла к зеркалу ближе. Провела пальцем по кольцу с синим камнем. Посмотрела на свое — ее — отражение.

И неожиданно очень четко поняла одну вещь.

Как бы я сюда ни попала, обратно меня пока никто не собирается отправлять.

Значит, это и есть моя реальность.

А если так, то у меня есть только два варианта.

Либо сломаться вслед за той, кто жила здесь до меня.

Либо стать для всех их худшей неожиданностью.

Я обернулась к Мире.

— Мой муж здесь?

Она вздрогнула.

— Его светлость? Да, госпожа. Он вернулся с рассветом из охотничьего крыла. Сейчас, должно быть, в кабинете или в зале для завтрака.

— Отлично.

— Госпожа?..

— Помогите мне одеться.

Она моргнула.

— Сейчас?

— Да. Сейчас.

— Но... вы только очнулись. Лекарь велел вам отдыхать. И если его светлость узнает, что вы...

— Мира.

Она осеклась.

Я сама удивилась тому, как твердо прозвучал мой голос. Без истерики. Без дрожи. Без просьбы.

— С сегодняшнего дня я больше никого не буду спрашивать, что мне можно, а что нельзя. Особенно в собственных покоях. Особенно в собственном браке.

Горничная смотрела на меня, не веря своим ушам.

И, кажется, впервые — с надеждой.

— Какое платье прикажете подать? — тихо спросила она.

Я повернулась к шкафам, у которых уже успела заметить створки из темного дерева с серебряной инкрустацией.

— Не знаю, что здесь носила прежняя... — я запнулась на полуслове, но быстро исправилась: — что я носила раньше. Но сейчас мне нужно не платье для больной жены и не траур по чужому презрению.

Я встретила взглядом со своим отражением.

— Мне нужно то, в чем он не узнает женщину, которую привык ломать.

Мира сглотнула.

— Да, госпожа.

Она поспешно метнулась к гардеробу, а я подошла к окну и отдернула край тяжелой шторы.

За стеклом лежал совсем другой мир.

Серое зимнее небо. Каменные дорожки, припорошенные инеем. Темные деревья в саду, подстриженные слишком ровно, почти строго. Башни и стены огромного поместья, напоминавшего смесь дворца и крепости. Вдали виднелись конюшни, флигели, высокая кованая ограда. По двору шли люди в темной одежде. Где-то проехала карета.

Все это было настоящим.

Слишком настоящим.

Я прижала ладонь к холодному стеклу.

— Ну что ж, — прошептала я так тихо, что даже Мира не услышала. — Один бывший уже показал мне, чего стоят слезы. Посмотрим, что будет с этим мужем, когда я перестану быть удобной.

Где-то глубоко внутри снова шевельнулось чужое чувство. На этот раз не боль.

Слабая, почти неощутимая искра.

Будто сама Эвелина — или то, что от нее осталось — услышала меня.

И согласилась.

Глава 3. Ненужная жена

Пока Мира вытаскивала из шкафа одно платье за другим, я молча наблюдала.

Точнее, пыталась наблюдать спокойно.

На самом деле меня продолжало потряхивать. Не так, чтобы это было видно со стороны, но внутри все дрожало мелкой, противной вибрацией. Мир слишком резко сменил декорации, а я еще не успела понять, где тут выход, кто написал сценарий и почему мне снова досталас

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.